

ДЭВИД УИЛСОН

ЗА СТОЛОМ С МАНЬЯКОМ

Психологический портрет самых
жестоких людей в мире

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ > ЧУДОВИЩНО

ДЭВИД УИЛСОН

ЗА СТОЛОМ С МАНЬЯКОМ

Психологический портрет самых
жестоких людей в мире

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 340.6
ББК 56.14
УЗ6

David Wilson
My Life with Murderers:
Behind Bars with the World's Most Violent Men

Copyright © David Wilson 2019.
First published in the English language in the United Kingdom
in 2019 by Sphere, an imprint of Little,
Brown Book Group Ltd, London.

Законодательством РФ установлена уголовная и административная ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, растений или их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры, незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры.

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ и потребление аналогов наркотических средств, психотропных веществ вызывает психические расстройства, расстройства поведения и иные заболевания.

ЛГБТ-сообщество признано экстремистским
и запрещено на территории РФ.

Уилсон, Дэвид.

УЗ6 За столом с маньяком : психологический портрет самых жестоких людей в мире / Дэвид Уилсон ; [перевод с английского С. Богданова]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Книги, о которых говорят).

ISBN 978-5-04-163829-0

Профессор Дэвид Уилсон в 29 лет стал самым молодым начальником тюрьмы в истории Великобритании и не раз сидел за одним столом с самыми жестокими людьми в мире: иногда во время напряженной беседы «не под запись», иногда за чашкой чая, а иногда оставаясь с психопатами один на один.

В этой книге вы найдете захватывающее исследование психологии тех, кто совершил чудовищные преступления. Вас ждут откровенные интервью, психологические портреты маньяков и серийных убийц, а также ужасающие подробности судебных расследований.

УДК 340.6
ББК 56.14

© С. Богданов, перевод на русский
язык, 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-163829-0

*Посвящается Энн, которой пришлось
разделить немало тягот моей
профессиональной деятельности и которая
всегда делала это со свойственными
ей изяществом и добродушием*

Вступительное слово

Мне пришлось изменить время и место бесед с некоторыми из тех, кого вы встретите на страницах книги. Я старался сводить подобные изменения к минимуму, но в ряде случаев люди соглашались разговаривать только на условиях анонимности, и привести более специфические детали значило бы раскрыть их личности. В мире криминологии, о котором я пишу, беседы «не под запись» являются обычным делом. В частности, пришлось поменять некоторые сведения о «Джимми» (имя изменено), с которым вы встретитесь во второй главе.

Цитаты приводятся по аудиозаписям бесед или по подробным заметкам, которые я ежедневно вношу в дневник исследований.

Псевдонимы используются и для тех заключенных и сотрудников, кого не удалось отыскать для получения разрешения на упоминание имен в рассказах. Опять-таки в силу целого ряда причин я обязан опускать некоторые детали убийств. Иногда я делал это как участник расследования, кроме того, закон о государственной тайне не позволяет

использовать всю собранную информацию во избежание риска для свидетелей и причинения дополнительных страданий родственникам жертв. К несчастью, в своей работе мне пришлось убедиться, что избыточная детализация может служить своего рода учебным пособием для тех, кто собирается встать на путь совершения преступлений.

Всю жизнь я встаю очень рано.

С точки зрения профессиональной деятельности эта особенность организма означает, что я появляюсь на работе одним из первых. И мне это нравится. Можно сразу заняться делами, что очень важно, поскольку все характерные для моей работы треволения, неувязки и срывы обычно начинаются позже. Так что и в личном, и в профессиональном плане я самый настоящий жаворонок.

В тот день все было как обычно.

В семь утра я припарковался у здания Бирмингемского университета и, прихватив с пассажирского сиденья неизменный рюкзак, направился в отделение криминологии, где трудился почти четыре года. Чтобы попасть на рабочее место и провести благословенный час в тишине и покое до начала стандартной суеты, нужно было пройти через просторный рабочий зал и преодолеть один лестничный пролет. Поднявшись, я увидел на лестничной площадке Рика, читающего какую-то записку на доске объявлений. Собственно говоря, в том, чтобы встретить того, кого я неплохо знал, не было ничего необычного, однако опыт работы

в тюрьмах заставил меня заподозрить неладное. Показалось, будто Рик кого-то подкарауливает, и, кроме того, не очень понятно, что он делает здесь в столь ранний утренний час.

— Привет, Рик! — сказал я, поравнявшись с ним.

Ответить он не удосужился.

Я пошел дальше, стараясь избавиться от подозрительности — мало ли, может, Рик просто не привык рано вставать. Решив не заморачиваться по этому поводу, я мысленно вернулся к предстоящему рабочему дню и горé отчетности, ожидающей меня на столе.

Внезапно меня с налета ударили по голове и очень умело уложили броском на пол.

— Что ты сказал? — вопрошал обидчик, яростно пиная меня ногами.

Время будто остановилось. В памяти осталось лишь одно — я был до смерти перепуган.

К счастью, нападение прекратилось так же резко и неожиданно, как началось, и я оказался один в опустевшем коридоре. Медленно поднявшись на ноги, я проверил, насколько сильно мне досталось, — как ни странно, не слишком, — после чего проковылял несколько метров до дверей кабинета.

Я положил рюкзак, который, похоже, принял на себя несколько предназначавшихся мне серьез-

ных ударов, скинул пиджак и плюхнулся в кресло. Через пару минут я достаточно овладел собой, чтобы позвонить в службу безопасности.

С учетом, что большая часть профессиональной деятельности приходится на труд непосредственно в тюрьмах, до сих пор этот инцидент, что удивительно, был единственным (постучим по дереву) случаем применения ко мне грубой физической силы. Мало того, это единственный раз, когда моя жизнь оказалась, без всякого преувеличения, под угрозой.

Иначе говоря, за всю карьеру это единственный случай непосредственного столкновения с насилием, которое вполне могло закончиться смертельным исходом — то есть убийством.

Убийство!

Это существительное звучит одновременно и напряженно, и всеохватно. В нем есть коварная острота ощущений и налет определенности, мешающие распознать тонкости, скрытые в самом простом определении: «противозаконное и преднамеренное лишение жизни одного человека другим». Мы не склонны обращать внимание на эти хитрые слова «противозаконное» и «преднамеренное». «Освобождающие от тюрьмы» оговорки легализуют причинение смертей — к примеру, солдатами или полицейскими — и разрушают представление о том, что с убийством все так однозначно, как подразумевает определение.

То же относится к понятию «убийца».

По моему опыту, убийство — понятие растяжимое, а убийцы разнятся между собой, как деревья в лесу.

Каждое преступление и сопутствующая ему психологическая картина — отдельный случай.

Мне ли не знать.

Всю жизнь я работаю с людьми, склонными к насилию. Конкретнее, с людьми, совершившими убийства и в том числе серийные, которые неизменно оказываются в центре общественного внимания. Это самые разнообразные представители. Я пил с ними чай, а бывало, что-нибудь покрепче; заводил шуточные разговоры в их камерах; прямо в глаза называл их «лжецами» и «психопатами»; помогал отправлять некоторых за решетку или, что чаще, содействовал тому, чтобы они оттуда не выходили.

Некоторые стали моими друзьями, другие же были бы рады пришить меня. В любой момент.

Убийцы, детоубийцы, отцеубийцы, матереубийцы, сыноубийцы, наемные, массовые, серийные... Плюс те, кто применяет или готов применять насилие для достижения целей — похитители, взломщики, грабители банков и им подобные. Со всеми я знакомился в ходе работы. И они помогли мне прийти к несколько неожиданным выводам об убийстве как явлении и о людях, совершающих эти отвратительные преступления.

Как и убийство, насилие — понятие растяжимое. Оно не ограничено применением физической силы и может подразумевать угрозу расправы, словесную агрессию или причинение различных видов психологического вреда.

Беседуя с людьми, совершившими насильственные преступления со смертельным исходом, я получал уникальную возможность проникнуть в образ мыслей виновника. С некоторыми я начал разговаривать еще несколько десятилетий назад и продолжаю до сих пор.

Разумеется, сейчас, как и раньше, в ходе бесед необходимо щепетильно соблюдать определенные этические границы. Так, я прямо заявляю: если человек признаётся в преступлении, за которое его не судили, я буду вынужден сообщить об этом в полицию. Понимаю, это несколько сдерживает словоохотливость, но, с другой стороны, в противном случае они, возможно, вообще не стали бы разговаривать. Основу книги составляют именно плоды разговоров с этими беспощадными и жестокими представителями человечества.

Прежде чем продолжить, было бы упущением с моей стороны не остановиться на проблеме гендера. Здесь рассказывается о мужчинах, убивавших людей или чинивших насилие над ними. То, что объектом моего внимания являются именно они, обусловлено рядом факторов. Во-первых, и это наиболее важно, убийства действительно являются делом рук молодых мужчин. Соверше-

ние этого вида правонарушений женщиной все еще относительная редкость, и, кроме того, когда подобное случается, она обычно использует другие методы. Если рассматривать серийные убийства, женщины чаще отправляют жертв на тот свет при помощи яда, тогда как мужчины забивают до смерти, режут, душат или стреляют. И поскольку ниже речь пойдет о склонных к насилию мужчинах, важно заметить: я не считаю маскулинность узким понятием. Существуют различные виды с самыми разнообразными способами проявлять ее и «быть мужчиной». Мы вовсе не «запрограммированы» на насилие. Нельзя сказать, будто заботливые, любящие и внимательные мужчины ведут себя как-то «не по-мужски». Надеюсь, сам я отношусь к числу таких.

Далее, в профессиональной деятельности я никогда не занимался преступницами, а учитывая, что книга рассказывает о моей работе с убийцами и совершившими насильственные преступления, гендер объектов моего внимания становится более очевидным.

По опыту я знаю, что в представлении широкой публики убийцы и склонные к насилию представители мужского пола выглядят какими-то чудовищами, чужеродными созданиями, «иными», чуть ли не с рогами на голове и хвостами. Если бы все было так просто! За почти 40 лет работы в этой области я понял — насилие настолько глубоко укоренилось в культуре, что творить ужасные

вещи могут, казалось бы, самые обычные люди, зачастую в самых банальных обстоятельствах и по самым нелепым причинам.

Для иллюстрации этой мысли позволю себе задать вам один вопрос. Какова процентная доля раскрытых убийств по отношению к общему их числу ежегодно? Никакого подвоха нет. Я просто имею в виду процент случаев, в которых полицейские рапортовали по «факту раскрытия дела и задержания преступника». Хотя, разумеется, нужно учитывать, что это не обязательно означает поимку истинного виновника и обвинения оказываются ложными, апелляции бывают успешными, ну и так далее. Как, по-вашему, процентов десять? Или побольше — сорок-пятьдесят?

Когда я задаю этот вопрос в ходе публичных выступлений, в аудитории изредка попадают люди, называющие 70 или даже 80 %. Даже они ошибаются в меньшую сторону.

Из года в год раскрываемость убийств незначительно колеблется вокруг отметки в 90 %. Именно так. В 9 случаях из 10 убийство раскрывается, виновник предстает перед судом. Возможно, вы подумаете, будто дело в достижениях в области молекулярно-генетических экспертиз и развитии национальной базы данных ДНК, самой первой и обширной в мире. Можете предположить, что это объясняется прогрессом в области криминалистики, ростом профессионального уровня полицейских и их упорством, тупостью преступников,